

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 870-882
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.870

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Political Preconditions for Popular Movements in the Kokand Khanate in the 1870s

Farida T. Baitova ^{a,*}, Jeenbek B. Alymbaev ^b, Elida A. Tolobaeva ^c

^a Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after B. T. Turusbekov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^b Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

In this article, the authors examine the sociopolitical preconditions for the popular uprisings in the seventies of the 19th century in the Kokand Khanate, linking them to an internal crisis in the khan's authority, the weakening of state institutions, and growing contradictions between various social strata. Increased fiscal pressure, arbitrary actions by local governors, corruption in the administrative system, and the uneven distribution of the tax burden led to deepening social inequality and growing discontent among farmers, artisans, and nomadic communities. Particular attention is given to the influence of foreign policy factors, primarily the Russian presence in the region, which contributed significantly to the stabilization of the situation. The Russian administration sought to establish a clearer system of governance, streamline tax collection, and limit the arbitrary exercise of local authorities, which paved the way for the emergence of new, more sustainable forms of social organization and economic activity. An analysis of archival documents, reports from Russian officials, oral historical sources, and the writings of local chroniclers suggests that the Russian Empire's intervention played a significant role in ending internecine conflicts, strengthening social stability, and laying the groundwork for the gradual modernization of social relations. In this context, the popular movements of the 1870s are viewed not only as a manifestation of the Kokand Khanate's internal crisis but also as a historical pattern that led to the region's inclusion in the broader and relatively stable political and economic space of the Russian Empire. This, in turn, marked an important stage in the integration of the Fergana Valley into the pan-Russian system of governance and economic development, which subsequently predetermined the transformation of social structures and a shift in the region's political landscape.

Keywords: Russian Empire, Kokand Khanate, Fergana Valley, popular movements, historical sources, Kyrgyz population, political instability, social inequality, civil strife, self-government.

1. Введение

В конце XIX века Кокандское ханство вступило в период значительных изменений в общественной, государственной и хозяйственной жизни. Обострение разногласий внутри страны, злоупотребления со стороны влиятельной феодальной верхушки и нерациональная политика ханов вызвали растущее возмущение среди народа, которое выразилось в крестьянских бунтах 1870-х годов. Они распространились по широким территориям Ферганской долины, населённой кыргызами, узбеками и таджиками. Данные всплески указывали на серьёзный упадок ханской системы, потерявшей возможность гарантировать правосудие, мир и оборону прав обычных людей. На этом фоне возрастающее влияние Российской империи сыграло стабилизирующую роль и способствовало

* Corresponding author

E-mail addresses: baitova_farida@mail.ru (F.T. Baitova),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Zh.B. Alymbaev), tolobaeva_elida@mail.ru (E.A. Tolobaeva)

установлению порядка. Российская политика, опиравшаяся на идеи правопорядка, государственного управления и модернизации, способствовала постепенному восстановлению общественного спокойствия, укреплению хозяйственной жизни и формированию новых административных структур, основанных на принципах законности и ответственности. Вмешательство России стало важным фактором, обеспечившим прекращение междоусобиц, ограничение произвола местных феодалов и открывшим путь к включению региона в более развитое политико-экономическое пространство.

События конца XIX века можно рассматривать как переломный этап, когда влияние Российской империи не только привнесло стабильность и порядок, но и заложило основу для последующего социально-экономического и культурного возрождения народов Ферганской долины.

В рассматриваемый период на первый план выдвинулись острые экономические противоречия внутри Кокандского ханства. Усиление налогового бремени, произвольный сбор дани, игнорирование прав местных землепользователей и неравномерное распределение материальных ресурсов между центром и периферией способствовали росту социальной напряжённости. Фискальная политика ханства стала одним из решающих факторов, вызвавших массовое недовольство среди населения, особенно среди кочевых и полукочевых кыргызских племён, проживавших на пограничных территориях. На фоне нарастающего кризиса именно Российская империя выступила носителем принципов правопорядка и управленческой рациональности. Вмешательство России позволило смягчить последствия хозяйственного упадка, ограничить произвол местной знати и внести элементы экономической стабильности в регион. Благодаря этому началось постепенное восстановление социальной справедливости, а также укрепление основ законности и государственного управления, что в дальнейшем создало предпосылки для интеграции местных сообществ в более устойчивую и развитую систему хозяйственных отношений.

Народные волнения 1870-х годов XIX столетия не следует считать исключительно самопроизвольными проявлениями недовольства. В них отчетливо прослеживался политический аспект, обусловленный противодействием угнетению и беззаконию правящей династии. Главы этих восстаний, например Полот-хан (Исхак Асан уулу) и его соратники, смогли сплотить разнообразные племена и слои населения, что определило их стремление к национальной независимости. Следовательно, изучение причинно-следственной связи между социальным положением и политической обстановкой во время народных движений в Кокандском ханстве указанного периода крайне необходимо для осмысления как развития самого ханства, так и общих тенденций борьбы за свободу. Анализ документальных свидетельств, фольклорных произведений, архивных данных и работ учёных позволяет установить главные факторы, побуждавшие к бунтам, их причины, движущие силы и характерные черты восстаний.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе подготовки статьи с применением научных методов авторами были исследованы и проанализированы документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан (НА РУз, Ташкент, Узбекистан), а также источники, сохранившиеся в рукописном фонде Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан (ИВ АН РУз, Ташкент, Узбекистан).

В архивных фондах сохранились сведения, отражающие деятельность чиновников Российской империи, которые тщательно фиксировали события, составляли донесения, отчёты и переписку. Данные материалы предоставляют современным исследователям возможность реконструировать картину восстаний и выявлять их социально-экономические и политические причины.

В донесении полковника Циммермана командующему войсками Сибирского корпуса от 5 сентября 1860 года (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 24) содержатся сведения, фиксирующие династические конфликты, заговоры и мятежи в Кокандском ханстве середины XIX века, отражающий как внутреннюю борьбу за власть и роль кочевников, что позволяет проследить политическую и социальную динамику в ханстве.

Документ под названием «Из письма Оренбургского генерал-губернатора Управляющему Министерству Иностранных дел» от 15 сентября 1853 года (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14), приводятся сведения о политической несостоятельности правительства, о доминирующей роли кипчаков в административном управлении, их самовольных действиях и обременительных поборах, что отражает наличие социального напряжения и рост недовольства среди населения.

В ханстве социальные напряжения были связаны не только с политическими, но и с экономическими отношениями. Из донесения Г.Х. Гасфорда военному министру от 30 июня 1855 года, имеются сведения о деятельности кокандских сборщиков налогов, которые при взимании податей с кочевых групп населения прибегали к насильственным действиям, сопровождавшимся грабежами (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 16. Л. 111).

Также широко использованы материалы фондов Национального архива Республики Узбекистан. В документе, известном как «Показания дикокаменного киргиза, бежавшего из Кокандского владения» содержатся сведения о том, что в результате нарастания недовольства политикой Худояр-хана около 40 тыс. юрт киргиз-кипчаков предприняли попытку организованного выступления (НА РУз. Ф. И-1.

Оп. 34. Д. 25. Л. 40б.). Целью данного политического выступления являлось устранение действующего хана с престола и установление власти Малла-хана. Следовательно, данный источник можно рассматривать как подтверждение того, что внутренние противоречия и социальное напряжение в Кокандском ханстве создавали условия для регулярных восстаний.

Архивные данные свидетельствуют о том, что социально-политические процессы, происходившие в Кокандском ханстве, массовое выступление кочевых народов против Худояр-хана отражало не только локальное недовольство его политическим курсом, но и более масштабный кризис легитимности ханской власти в середине XIX века.

Выполняя обязанности посла США в России Ю. Скайлер в 1873 г., на протяжении восьми месяцев по поручению своего правительства путешествовал по русским владениям в Средней Азии. Для нас некоторые сведения Ю. Скайлера как очевидца этого восстания на его первом этапе, имеют определенный интерес. Например, он был поражен эпизодом казни повстанцев в Коканде. Вот что он пишет по этому поводу: «Сразу же после того, как я покинул Коканд, мятежники, пойманные в недавних выступлениях были казнены, базар был буквально затоплен кровью, которая проникла даже в караван сарай, где я остановился. Тогда было казнено более пятисот человек» (Schuyler, 1876: 16). Массовые казни в центре города подчёркивает крайнюю жестокость репрессивных мер, применявшихся властями, и позволяет оценить масштабы трагедии, затронувшей сотни людей.

Нарративные источники, представленные кокандскими хрониками важны для исторической характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве. Являясь в подавляющем большинстве придворными хрониками, они почти не отражают экономической жизни общества, не содержат существенно важных сведений о социальной структуре и классовым отношениям, данных о положении народов. Восстания и неповиновение народных масс в них трактуется тенденциозно. Однако при серьёзном критическом подходе они могут быть использованы в исследовании и нами привлекались как по публикациям, так и рукописным собраниям.

В рукописных материалах, хранящихся в фондах Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, – «Ансобу-с-салатин ва тавориху-л-хавокин» (Родословие султанов и хроники ханов) Мирзо Олим ибн Домла Мирзо Рахим Тошкандия (ИВ АН РУз. Инв. № 1314) и «Тарихи Азизи» (История Азизи) Мулла Азиз бин Мулла Мухаммад-Риза Маргинания (ИВ АН РУз. Инв. № 11108), – содержится информация о политике Кокандского ханства в отношении кочевых племён, а также отражены факты нарушения традиционно закреплённых правовых норм и имущественных прав населения. Например, указ Худояр-хана 1873 года об аннулировании васиков, лишивший подданных имущественных прав, стал проявлением кризиса легитимности ханской власти в Кокандском ханстве и вызвал массовое сопротивление, приведшее к восстанию 70-х гг. XIX в. (ИВ АН РУз. Инв. № 11108. Л. 158б-159а).

Критический анализ нарративных и рукописных источников показывает, что политика Кокандского ханства в отношении кочевых племён и нарушение имущественных прав населения стали важными факторами кризиса легитимности власти и социально-политической причиной народных восстаний.

2.2. Методологической основой исследования явилось использование принципов объективности, историзма и научного анализа, а также применение сравнительно-исторического метода, комплексного подхода, критического и системного анализа. Эти методы позволили рассмотреть особенности формирования и основные этапы развития восстания и социально-политических предпосылок восстаний в Кокандском ханстве 1870-х гг.

Комплексный подход стал основой для всестороннего изучения социально-политических процессов, предопределивших восстания, а также их взаимосвязи с экономическими и этническими факторами. В статье применялся также проблемно-хронологический метод, предполагающий разделение тематики на ряд более узких проблем, каждая из которых соотносится с конкретным этапом и рассматривается в хронологическом порядке. В соответствии с данным методом структурированы разделы статьи, что позволило выявить социально-политические предпосылки восстаний.

В свою очередь, принцип научной объективности предполагает исключение предвзятости как со стороны автора, так и со стороны других исследователей при оценке исторических фактов, связанных с социально-экономическими предпосылками восстаний в Кокандском ханстве. Данный принцип требует критического подхода к источникам, отказа от субъективных интерпретаций и стремления к максимально точному воспроизведению реалий исторического процесса. В контексте исследования восстаний это означает необходимость рассматривать социально-экономические противоречия – налоговую политику, имущественное расслоение, этнические различия и административные практики – как объективные факторы, обусловившие нестабильность и народные выступления.

3. Обсуждение

Социально-политические предпосылки народных движений 1870-х гг. в Кокандском ханстве до сих пор не получили всестороннего и глубокого освещения в исторических исследованиях. Работы,

посвященные изучению народных движений, преимущественно рассматривают их как эпизоды политической истории, ограничиваясь описанием внешних проявлений.

В историографическом анализе данной проблемы традиционно выделяются три взаимосвязанных хронологически этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

В русской востоковедческой литературе рассматриваемого периода было создано значительное число исторических трудов, посвящённых восстаниям в Кокандском ханстве.

1880-е гг. в научной и общественной среде Российской империи впервые был опубликован фундаментальный труд В.П. Наливкина. В исследовании автора отмечаются сведения о противоречиях и соперничестве между кочевыми и оседлыми группами населения, которые рассматривались как один из факторов, обусловивших регулярные восстания в ханстве (Наливкин, 1886). Приведённые факты и острые противоречивые события внутри ханства свидетельствуют о нестабильности его внутренней политики.

В начале XX века исследователи, обращаясь к изучению восстаний в Кокандском ханстве, стремились выявить их социально-экономические основы. При этом внутриполитические причины оставались в стороне, что не позволяло дать всестороннюю интерпретацию происходившему.

В 1930–1950-е годы в исследованиях по истории Кокандского ханства второй половины XIX века значительно расширилось использование документальных и архивных источников, что позволило глубже раскрыть социально-политические предпосылки восстания. В частности, в журнале «Борьба классов» публикуется статья С. Павлова, М. Рабиновича «Кокандское восстание (1875–1876 гг.)» (Павлов, Рабинович, 1936). По мнению авторов, крестьянство оказалось в полной зависимости от феодалов, контролировавших землю и воду. В таком же подчинённом положении находилось и кочевое киргизское население. Союз Худояр-хана с русским царём обернулся дополнительным бременем для крестьянства (Павлов, Рабинович, 1936: 49). Авторы отметили, что в 1874 г. в ханстве насчитывалось 18 видов налогов, которые делали невыносимой жизнь народа. Основной движущей силой восстания они считали крестьянство и беднейшие слои городского населения. Авторы также впервые в советской историографии верно определили роль и место Пулат хана в Кокандском восстании, считая его выразителем интересов народных масс.

Б.Д. Джамгерчинов в монографии «Присоединение Киргизии к России» (Джамгерчинов, 1959) всесторонне раскрывает социально-экономические причины народных движений в Кокандском ханстве, не затрагивая внутриполитические отношения в ханстве. Отмечая особо жестокое отношение Худояр-хана к кочевому населению, автор обращал внимание на то, что чрезмерное увеличение налогов вызывало сопротивление со стороны народа. Автор сделал вывод о том, что основной движущей силой восстания являлись мелкие и средние скотоводы и дыйкане, испытывавшие на себе всю тяжесть грабительской политики Кокандского ханства.

В начале 60-х годов К.У. Усенбаев (Усенбаев, 1960) на основании изучения архивных материалов подробно описывает ход восстания ошских киргизов в 1845 г., алайских киргизов в 1858 г. предшествовавшего Кокандскому восстанию 1873–1876 гг. Причиной этих восстаний, по мнению автора, стали грабежи, насилие и произвол, чинившиеся представителями ханской власти и вызвавшие ответные действия со стороны трудового народа. Тем самым автор существенно расширил проблематику исследования, рассмотрев социально-политические причины восстания и проанализировав обращения восставших киргизов в 1873–1876 гг. к русским властям с просьбой о принятии их в российское подданство.

Проблемы народных движений 1870-х гг. в Кокандском ханстве нашли отражение в монографии А.Х. Хасанова «Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX века» (Хасанов, 1961). По мнению автора, основной причиной восстания стало недовольство всех слоёв населения постоянными поборами и жестоким режимом Худояр-хана, что сопровождалось усилением социального, экономического и национального гнёта.

Анализ работы А.Х. Хасанова свидетельствует, что в 1860-е годы сравнительно с предыдущими периодами, меняется подход ученых к Кокандскому восстанию 1870-х годов. Было доказано, что это единое восстание с двумя этапами. Также ученые утверждали, что его основной причиной было усиление эксплуатации со стороны Кокандского ханства, а не лозунг «газават», т.е. борьба с Россией.

Среди работ, вышедших в 70-е годы, следует выделить монографию А.Х. Хасанова «Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства» (Хасанов, 1977) где автор обобщил предшествующие исследования по вопросу восстаний в 1870-х годах. Автор отмечал, что причиной нового подъёма восстания стало дальнейшее усиление социального и экономического гнёта со стороны хана. Он подчёркивал, что после подавления восстания 1873–1874 гг. киргизы подверглись введению особого дополнительного налога за участие в восстании. Кроме того, выполнять воинскую повинность стало обременительно: кочевники обязаны были посылать в ханское ополчение воинов со своими лошадьми и снаряжением (Хасанов, 1977: 63).

Другим капитальным трудом второй половины 70-х годов, в котором исследуется народные восстания в период господства Кокандского ханства, является монография В.М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство» (Плоских, 1977). В монографии В.М. Плоских анализируются политические факторы, экономические связи, формы эксплуатации и гнета и др. Автор на основе тщательного

изучения восстания, приходит к заключению, что «в целом 60-е годы XIX века характеризуются более активным сопротивлением киргизского населения Кокандскому ханству, усилением ориентации на Россию и постепенным принятием российского подданства» (Плоских, 1977: 303).

В работе казахского исследователя Т.К. Бейсембиева «Тарих-и Шахрухи как исторический источник» (Бейсембиев, 1987) можно проследить тот факт, что причинами восстания в Кокандском ханстве были обусловлены, в частности, внутренним противостоянием между двумя социальными группами – оседлым населением и кочевниками, соперничавшими за власть. Ссылаясь на источник, автор пишет что, в ходе борьбы за власть кочевники временно объединялись, становясь грозной силой. В 1858 г. возник союз всех кочевников Ферганы, в котором главная роль принадлежала киргизам и кипчакам. Это обстоятельство свидетельствует о существовании иерархически организованной социальной структуры кочевых этносов Ферганской долины.

В советской историографии в качестве основных причин возникновения восстаний в Кокандском ханстве рассматривались преимущественно социально-экономические факторы, тогда как внутренние политические причины оставались в тени.

Действительно в советской историографии, накопление и использование документального материала способствовало расширению исследовательских горизонтов и позволило более детально анализировать социально-экономические и политические предпосылки народных выступлений. Вместе с тем, отмечается определённая ограниченность исследования: недостаточное внимание уделено политическим аспектам, связанным с противостоянием сартией и илатией. Этот пробел представляется существенным, поскольку этнополитические конфликты и групповые противостояния во многом определяли динамику общественных процессов в Кокандском ханстве. Их анализ мог бы дополнить картину социально-политических предпосылок и углубить понимание причин народных движений.

В постсоветский период в среднеазиатских республиках значительно возрос интерес к изучению народных движений и причин их возникновения. Именно с этих позиций следует оценить монографию Х.Н. Бабабекова «Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.)» (Бабабеков, 1990). Автор, используя широкий круг источников, в особенности архивные материалы, рассматривает практически все формы народных выступлений – от крупных восстаний до локальных проявлений и их социально-политических причин.

На наш взгляд, упоминание работы Х.Н. Бабабекова подчеркивает её важность как инструмента исследования, благодаря использованию обширного массива архивных материалов и комплексному подходу к анализу народного сопротивления. При этом выделение разнообразия проявлений протеста даёт возможность расширить горизонты изучения за пределы классического взгляда на крупные бунты и рассмотреть народные волнения как закономерное следствие комплекса социально-экономических и политических причин. Подобный подход позволяет лучше разобраться в особенностях народных выступлений в Кокандском ханстве и указывает на важность анализа этих явлений с учетом внутренних социальных изменений, а не лишь как ответа на конкретные действия властей или финансовую политику.

В историографии Кокандского ханства особое внимание уделяется изучению этнополитического состава населения и роли различных социальных и этнических групп в политической системе ханства. Так, Т. Кененсариев, опираясь на исторические источники, выделяет четыре основные силы, определявшие политическую жизнь ханства: сартов, мингов (узбеков), кыргызов и кипчаков. При этом исследователь подчёркивает, что разграничение населения на «сартийя» и «илатийя» отражало не только социально-экономические особенности, но и специфику политической организации ханства (Кененсариев, 2009: 180). На наш взгляд, данное разграничение может быть охарактеризовано как один из факторов, способствовавших формированию социально-политических предпосылок последующих восстаний в Кокандском ханстве.

Важно отметить, что все вышесказанное иллюстрирует значимую методологию в исследовании политического устройства Кокандского ханства, где этнополитическое взаимодействие интерпретируется как независимый и существенный элемент развития истории. Благодаря определению Т. Кененсариевым основных этносоциальных слоев появляется возможность лучше разобраться в принципах формирования власти и особенностях политического равновесия внутри ханства. Однако такое разделение жителей на «сартийя» и «илатийя» кажется не только инструментом анализа, но и выражением внутреннего напряжения, присущего управленческой системе. Таким образом, этническая иерархия могла являться одним из элементов, вызывающих нестабильность, обостряя общественное недовольство и приводя к росту оппозиционного настроения. Это позволяет углубить понимание народных движений, демонстрируя, что они обусловлены не только экономическими конфликтами, но и возникают благодаря взаимодействию различных факторов – социальных, этнических и политических сил.

Следует подчеркнуть, что для комплексного анализа народных движений необходимо учитывать не только социально-экономические, но и этнополитические аспекты.

4. Результаты

Период 1840-х годов в Кокандском ханстве характеризуется значительным укреплением центральной власти, которое сопровождалось не только формализацией административного аппарата, но и ростом напряженности в отношениях между центром и периферией. Центральная власть стремилась консолидировать своё влияние, внедряя новые механизмы контроля над местными бекскими и общинными структурами. В этой связи возникает принципиальная проблема: усилия по централизации часто вступали в прямое противоречие с традиционными формами самоуправления и автономией племенных общин, что становилось источником системного социального недовольства. Фискальная политика ханства того периода также носила противоречивый характер. С одной стороны, она позволяла обеспечивать функционирование расширяющегося административного аппарата и укреплять ресурсную базу государства; с другой – чрезмерное налоговое давление и произвольные сборы дани подрывали экономическую стабильность сельских и кочевых общин. Возникает острый конфликт между централизованной государственностью и локальными социальными практиками распределения земель, пастбищ и экономических ресурсов, что в дальнейшем создало «социальное напряжение в зачатке», подготовив почву для массового недовольства и народных выступлений (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 16. Л.111).

В то же время положительное влияние России в регионе способствовало частичной стабилизации социально-экономической ситуации. Российское присутствие обеспечивало определённый уровень внешнего контроля, снижая угрозу полного хаоса на границах ханства, а также открывало возможности для торговли и обмена технологиями, что косвенно поддерживало экономическую устойчивость отдельных районов. Таким образом, влияние России рассматривалось как фактор внешней опоры, способный смягчать последствия внутренних противоречий и частично компенсировать избыточное административное давление ханской власти.

Обратимся к основным событиям данного периода. Как только независимость Кокандского ханства была восстановлена и отодвинулась угроза со стороны Бухары, в Фергане возникла напряженная ситуация в связи с претензиями кочевников на руководящую роль. В 1842–1843 гг. отчетливо обозначилось «неустойчивое равновесие» трех группировок: оседлых феодалов во главе с Шади, хакимом Маргилана; киргизов и части ханских родственников во главе с Йусуфом мингбаши киргизом; кипчаков под руководством Мусулманкула (ок. 1794–1852 гг.). В 1843 г. последний пытался открыто выступить против центральной власти (Мирзо Олим Махдум Хожи, 2008: 12), но перед лицом могущественного тогда Йусуфа мингбаши отступил. Враждой между ними воспользовался Шади и с помощью дворцовых интриг устранил Йусуфа мингбаши (ИБ АН РУз. Инв. № 1314. Л. 48а). Шади в 1844 г. попытался тайно убрать Мусулманкула, но тот, предупрежденный об опасности, поднял в Андижане мятеж, где он был войсковым начальником (батурбаши). Его поддержали соплеменники-кипчаки, а также каракалпаки и калмаки (ИБ АН РУз. Инв. № 1314. Л. 49б-50а). Именно в этот период начинают формироваться глубокие социально-политические предпосылки будущих народных движений, что позволяет рассматривать данный этап как переходный от относительной стабильности к фазе нарастающего общественного напряжения. После восстановления независимости Кокандского ханства и устранения внешней угрозы со стороны Бухары, в Ферганской долине усилилась внутренняя борьба за власть, обусловленная претензиями кочевых групп на политическое доминирование.

В середине девятнадцатого столетия внутривластная жизнь Кокандского ханства во многом определялась деятельностью аталыка Мусулманкула, чья карьера ярко иллюстрировала рост влияния военных и государственных лидеров в эпоху упадка власти ханов. Появившись из числа служилого дворянства, он смог взять под контроль реальное руководство страной, воспользовавшись юным возрастом хана Худояра. Он демонстрирует тенденцию того времени – медленный сдвиг полномочий от представителей правящей семьи к сильному военному и управленческому сословию. Правление Мусулманкула (1840–1852) ознаменовалось стремлением к централизации (Петровский, 1873: 9), целью которой было усилить власть хана, однако достигнутое осуществлялось посредством жестких мер и принуждения. Правитель беспощадно пресекал попытки сопротивления со стороны элиты и народного недовольства, уничтожая оппозиционеров при дворе. Хотя это ненадолго обеспечило относительную стабильность, оно значительно обострило социальное напряжение и усилило гнев среди жителей. Наиболее заметно разногласия выявились во взаимодействии с кыргызским и казахским племенами, земли которых Мусулманкул пытался включить в состав ханства. Отъем владений и принудительное обращение в ислам провоцировали волнения на окраинах государства. В памяти кыргызов он остался воплощением деспотизма и угнетения, что впоследствии подпитывало антикокандские чувства и создавало идеологическую базу для восстаний 1870-х годов. Смерть Мусулманкула ознаменовала наступление времени политических потрясений, отмеченного сменами правителей и обострением противостояния между представителями родовой знати и военных элит (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 101-102). Это подорвало силу центральной администрации, усугубило разногласия внутри государства и подготовило почву для народных бунтов в грядущие годы. Следовательно, правление Мусулманкула стало ключевым моментом в

прогрессировании проблем, которые впоследствии привели к разрушению привычного политического строя Кокандского ханства.

Политическая динамика этого времени характеризуется ростом элитарных конфликтов и кризисом легитимности власти, что, в научном плане, свидетельствует о начале дезинтеграции традиционной модели ханского управления, основанной на патримониальных и племенных принципах. Уже в 1843 году Мусулманкул предпринял попытку открытого выступления против центра, однако, столкнувшись с силой Йусуфа мингбаши, был вынужден отступить (Бейсембиев, 1987: 22). Этим противостоянием воспользовался Шади, искусно применив дворцовые интриги для устранения своего соперника.

Злоупотребления фаворитов Худояр-хана способствовали возникновению заговоров и мятежей. В 1853 г. против хана поднялся его старший брат Малла-бек, управлявший Ташкентом, но в результате похода кокандских войск на Ташкент он был разбит и бежал в Бухару (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 25. Л. 40б.). В 1855 г. был раскрыт заговор Рустам-хана тора, внука Нарбута-бека. В 1858 г. Малла-бек, воспользовавшись осадой бухарским эмиром Ходжента, прибыл к киргизам и поднял новый мятеж. Объединив ферганских кочевников, он одержал победу над ставшим непопулярным Худояр-ханом и занял кокандский трон. В период правления Малла-хана (1858–1863 гг.) кочевники вернули утраченные позиции в государстве. Главную роль в их “конфедерации” играли киргизы, из среды которых выдвинулся молодой военачальник Алимкул киргиз-кипчак (1832/33–1865 гг.). В 1860 году после разрушения русскими отрядами крепостей Токмак и Пишпек кокандцы совершили поход в Семиречье, но были разбиты немногочисленными силами Г.А. Колпаковского под Узун-Агачем (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 24. Л. 173-176). Вскоре неугодный кочевой знати Малла-хан был убит и на престол возведен Шах-Мурад-хан, сын Сарымсак-хана (февраль 1862 г.). Находившиеся в Туркестане кокандские войска во главе с Канаат-шахом не признали нового хана. Пригласив Худояр-хана из Джизака они открыли военные действия против ферганских кочевников, опираясь на ополчение из Южного Казахстана, Ташкента и Курамы. Бухарский эмир Музаффар двинулся на помощь Худояр-хану, которому при поддержке эмира удалось затем овладеть Кокандом. Однако второе его правление было коротким: борьба с киргизами и кипчаками приняла затяжной характер, а намерение эмира присоединить к его владениям Фергану руками Худояр-хана не сулило ферганцам ничего доброго (Бейсембиев, 1987: 24).

В июле 1863 г. киргизы и кипчаки во главе с Алимкулом лашкаром захватили власть в ханстве. Номинальным правителем был провозглашен сын Малла-хана Султан Саййид-хан (1863–1865 гг.) (Наливкин, 1886: 200). Фактически делами вершил Алимкул. К тому времени русские войска овладели Яныкурганом и Пишпекком. Попытки Алимкула остановить их дальнейшее продвижение успеха не имели. В 1864 году кокандцы были выбиты из Мерке, Ауилие-Аты, Туркестана и Чимкента. Весной 1865 г. генерал М.Г.Черняев подошел к Ташкенту. В бою под Ташкентом Алимкул был смертельно ранен. Султан Саййид-хан был отослан ташкентцами в Бухару. 15 июня 1865 г. Ташкент был взят. Киргизские и кипчакские главы бежали в Фергану и провозгласили ханом правнука Шади-бия (младший сын основателя династии мингов Шахрух-бия), Худайкула, продержавшегося на кокандском троне около двух месяцев (Бейсембиев, 1987: 25). Но эмир Бухары вновь вступил в Фергану, присоединил к своим владениям Ходжент и в третий раз посадил на трон Худояр-хана. Многие киргизы и кипчаки ушли в Кашгар на службу к Йакуб-беку (Бейсембиев, 1987: 25).

Также Алымбек датка (ок. 1800–1862) занимал особое место в политической системе Кокандского ханства как один из наиболее влиятельных государственных деятелей. При Малла-хане он управлял Андижанским вилайетом (Плоских, 1977: 166). Он стремился поддерживать устойчивое равновесие между центральной властью и региональными элитами. Будучи выходцем из южных кыргызских родов, он сумел добиться признания как среди кочевой знати, так и при дворе хана, что свидетельствовало о высокой степени политической адаптивности и дипломатических способностей.

В период правления Худояр-хана Алымбек датка выступал посредником между ханской властью и кыргызскими манапами, пытаясь смягчить последствия нарастающего административного и фискального давления. Его деятельность способствовала временному укреплению порядка в южных областях ханства, однако противоречия между центром и местными элитами привели к его гибели в 1862 году (Плоских, 1977: 300). Смерть Алымбека датка символизировала нарастание политического кризиса и стала одной из предпосылок народных движений 1870-х годов.

Итак, на наш взгляд злоупотребления фаворитов Худояр-хана, произвол администрации и нарастающий фискальный гнёт усилили социальное расслоение и обострили противоречия между центром и местными родоплеменными элитами. Борьба за власть между различными группировками знати – оседлой, кочевой и духовной – привела к политической дезорганизации ханства и ослаблению центральной власти. В этих условиях усилилось недовольство народных масс, прежде всего среди киргизов и беднейших слоёв оседлого населения. Таким образом, кризис управления, вызванный внутренними распрями и зависимостью ханов от внешних сил, усиление борьбы за власть между оседлой и кочевой знатью сопровождалось ростом недовольства среди народных масс, страдавших от произвола местных беев, злоупотреблений чиновников и усиливающегося налогового гнёта. Многонациональный состав ханства, при отсутствии прочной централизованной власти,

способствовал формированию очагов социальной напряжённости, что в дальнейшем стало одной из ключевых социально-политических предпосылок народных движений 1870-х годов.

Одной из ключевых черт организации общества в Кокандском ханстве было разделение жителей по этническому и социальному признаку – на сартия и илатийа, которые отличались своим бытом, экономикой и ролью в управлении государством. Основу городских центров и оазисов составляли оседлые жители, известные как сарты. Среди них можно было встретить мастеров, купцов, фермеров и представителей ханского правительства. Сарты обладали большей устойчивостью положения, могли использовать оросительные каналы, участвовать в торговле и пользоваться преимуществами перед другими слоями населения. Из числа сартов происходили сборщики податей, религиозные деятели и влиятельные люди, поддерживавшие власть хана. Напротив них располагалась община илатийа – народ, ведущий кочевой и полукочевой образ жизни, состоявший преимущественно из представителей кыргызских и казахских племен, проживавших в горах и у подножий гор (Кененсариев, 1997: 6-7). Илаты были вассалами земледельцев, часто терпели произвол приказчиков и чиновников. Неравномерное распределение обязательств и лишенность политического влияния порождали у них ощущение обособленности и неприязни к власти хана. Различие между сартами и илатами проявлялось не только в социально-экономической, но и в этнополитической сфере. Оседлые жители находились под покровительством правителя и составляли управленческую верхушку, в то время как кочевники считались зависимыми и воспринимались как наименее развитые субъекты государства (Кененсариев, 1997: 6-7). Данная ситуация обостряла отношения между различными народами и привела к тому, что постепенно волнения переросли из местных социальных протестов в широкое движение с чертами стремления к национальной независимости.

Представители правых, левых и ичкиликских (внутренних) кыргызских племён, издавна проживавших в Ферганском регионе, кипчаки, обитавшие в равнинных долинах (кыргыз-кипчаки, нойгут-кипчаки, жети-кашка кипчаки и другие), полукочевые тюрки, каракалпаки и карамуртцы, а также кочевые узбекские племена, переселившиеся сюда начиная с XVI века, впоследствии образовали мощное этнополитическое сообщество кочевников, известное под названием «илатийа» (Кененсариев, 2009: 174).

Необходимость защиты от внешних врагов заставляла представителей различных групп, входивших в состав «илатийа», объединяться в решающие моменты. Поэтому во время калмыцких набегов 1741–1745 годов объединённые силы кыргызов из племени кушчу под предводительством бия Кубата и представителей кочевой династии кокандских биев смогли изгнать захватчиков из Ферганы (Гуревич, 1983: 64).

Кроме того, во многих городах и селениях – таких как Ходжент, Канибадам, Исфара, Касан, Чуст и другие – проживали таджики. Более того, известно, что даже в одном городе могли сосуществовать разные этнополитические группы. Например, в начале XVIII века в Коканде существовало четыре общины, из которых только одна – «кокандийцы» (сарттар) – была местной, тогда как остальные – самаркандийцы, кашгарийцы и кухистанийцы – были выходцами из соседних регионов. Они переселились в Коканд в результате политических беспорядков, происходивших в соседних землях (Бейсембиев, 1987: 9) в XVII–XVIII веках. Таким образом, оседлое городское и сельское население в основном составляло сообщество, называемое «сартийа».

Этнополитическая структура Кокандского ханства представляет собой сложный и динамичный феномен, формировавшийся под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Рост территориальных владений, расширение политического влияния и активные миграционные процессы привели к тому, что ханство стало многонациональным государственным образованием с выраженной социальной стратификацией и этнокультурной неоднородностью. На основе исторических источников, посвящённых истории Кокандского ханства, можно выделить четыре основные политические силы, игравшие значительную роль в его политической жизни: сартов, мингов (узбеков), кыргызов и кипчаков. Политическая группа мингов (узбеков) в XVIII веке представляла собой кочевое феодальное объединение и входила в состав «илатийа», однако уже в XIX веке постепенно перешла к оседлому образу жизни и вошла в состав «сартийа». Эти политические силы на протяжении всей истории Кокандского ханства занимали различные ступени власти, что подтверждается сведениями исторических источников (Кененсариев, 2009: 180).

В XIX веке сартское население постепенно ассимилировалось с оседлыми узбеками, что привело к их частичному слиянию в этнокультурном и социальном отношении. Несмотря на отсутствие политической власти, сарты, как отмечалось ранее, обладали значительным экономическим влиянием, контролируя торговлю, ремёсла и финансовые потоки. Поэтому любая политическая сила, приходившая к власти в ханстве, вынуждена была считаться с ними, независимо от своих намерений и политических приоритетов (Кененсариев, 2009: 178).

В Кокандском ханстве администрация всё чаще зависела от поддержки местных феодалов, биев и военачальников, которые в отдалённых областях фактически становились самостоятельными правителями. Подобное перераспределение власти сопровождалось ростом произвола, усилением фискального гнёта и увеличением неравенства среди населения, что постепенно подготавливало социальную базу будущих народных движений. На этом фоне усиливалось влияние Российской

империи, которая, распространяя своё административное и культурное воздействие, внесла значительный вклад в стабилизацию политической обстановки и постепенную модернизацию общественных отношений в регионе. Укрепление российской власти способствовало упорядочению налоговой системы, развитию торговли и началу формирования новых экономических связей, что в дальнейшем стало основой для социально-экономических преобразований.

Политическая волатильность Кокандского ханства в 1850–1870-х годах усугубила кризис. Регулярные смещения правителей, борьба за власть между знатными родами и влиятельными военачальниками ослабляли авторитет центрального управления. В глазах простого народа ханы превращались в марионеток привилегированной элиты, заботившейся лишь о собственных интересах. В этих условиях усиливалось влияние народных предводителей, выражавших чаяния и надежды народа. Одним из наиболее ярких из них стал Исхак Асан уулу (Полот-хан), чей образ в народной памяти символизировал сопротивление тирании и борьбу за социальную справедливость (Шамшиев, 2021).

Описанные социально-политические причины создавали благодатную почву для народных выступлений в Кокандском ханстве. На фоне усиления политической нестабильности и межэтнических противоречий население искало возможности выразить протест и найти лидеров, способных отстоять интересы простых людей. Исторические источники конца XIX века наглядно подтверждают эти процессы и показывают конкретные события и реакции ханской власти на возникающее недовольство.

Так, «Туркестанские ведомости» (17 января 1884 г., №3, с. 10-11) и записи М. Михайлова («Поход в Коканд, 1875 г.») дают живую картину положения Кокандского ханства в преддверии народных выступлений. Они показывают, как Худояр-хан, стремясь удержать власть одновременно сталкивался с внутренними противоречиями, ростом недовольства среди различных социальных и этнических групп и необходимостью лавировать между интересами местных партий и кочевого населения (Туркестанские ведомости, 1884: 10-11).

М. Михайлов отмечает что, «в первое время после основания ханства, господствующим народом в Коканде были узбеки-кипчаки; из их-же среды вышли и первые ханы, недружелюбно относившиеся к сартам, как к народу покоренному, но с течением времени ханский род, постоянно окруженный сартами, утратил свой резкий тюркский тип и принял все сартовские обычаи. Узбеки лишились затем всякого политического значения и первенствующие должности в ханстве остались за сартами» (Михайлов, 1884). Перераспределение власти между узбеками-кипчаками и сартами может быть охарактеризовано как важный этап эволюции политической структуры ханства. Данный процесс свидетельствует о взаимосвязи этнического фактора с социально-политическими реалиями, которые способствовали возникновению предпосылок для дальнейших восстаний.

Далее так называемый «закон Васика» (или *васик-наме*) в Кокандском ханстве представлял собой правовой документ, регулирующий имущественные, земельные и налоговые отношения между различными социальными субъектами – частными лицами, государственными структурами, а также между феодалами и зависимыми крестьянами. Термин «васик» (от араб. *فقيشو* – *wasīqah*, «документ», «договор», «акт») восходит к мусульманской правовой традиции и использовался в качестве обозначения письменных договоров, фиксирующих имущественно-правовые обязательства сторон (Бабаджанов, 2010: 289). В административно-правовой практике Кокандского ханства *васик-наме* применялись для оформления купли-продажи, аренды, дарения, завещания, передачи земельных участков, а также для закрепления налоговых повинностей. Юридическая сила *васиков* обеспечивалась процедурой их оформления в судебных канцеляриях (кади-хана), при обязательном участии свидетелей и удостоверении печатью кади, что придавало им официальный характер и легитимность со стороны ханской администрации.

Как отмечает Ш. Вохидов «в 1873 году Худояр-хан издал указ под названием «васика барабар» или «махрум мерос» (в переводе – «лишённые наследства») (Вахидов, 2014: 27). Суть этого указа заключалась в том, что Худояр-хан, достигнув сорокапятилетнего возраста, объявил недействительными ранее выданные *васики* (имущественно-правовые документы) и, присвоив часть наследственного имущества подданных, изъял его в свою пользу. Народ выступил против такого несправедливого закона. Улемы, осмелившиеся выразить протест, подверглись наказанию. Указ был распространён также на Коканд, Маргилан, Андижан, Ош и Наманган. В том же году началось восстание муллы Исхак-хана, сына Хасанбая, которого кыргызы провозгласили ханом под именем Пулат-хан, подняв его на борьбу против Худояр-хана» (ИВ АН РУз. Инв. № 11108. Л. 1586-159а).

Из вышесказанного следует отметить, что в социально-экономическом плане институт *васика* играл двоякую роль. С одной стороны, он обеспечивал правовую определённость имущественных отношений и служил инструментом фискального контроля со стороны государства. С другой стороны, *васики* нередко использовались местной знатью и духовенством для закрепления личных привилегий и перераспределения земельных владений в свою пользу. Это, в свою очередь, усиливало социальную стратификацию и противоречия между различными слоями общества, создавая предпосылки для народных движений второй половины XIX века.

Следовательно, «закон Васика» в Кокандском ханстве отражает не только специфику правового регулирования, но и характерные черты социально-экономической политики правителей ханства, направленной на централизацию власти при сохранении традиционной феодальной системы. Его анализ позволяет проследить динамику правовой эволюции общества, стоящего на пересечении норм шариата и адата, а также выявить причины нарастающего социального напряжения, приведшего к народным выступлениям 1873–1876 годов.

Исследование этих документов позволяет сформулировать ряд важных выводов. Прежде всего, показания М. Михайлова ясно отражают изменчивость и непоследовательность политики Худояр-хана, который фактически проводил внутреннюю политику, основанную на произволе, тяжёлых налогах и притеснении простого населения. На этом фоне политика России в Средней Азии выглядела как фактор стабилизации и справедливости: её вмешательство способствовало прекращению междоусобиц, ослаблению феодального гнёта и постепенному утверждению законности и порядка.

В результате проводимая Россией политика в условиях сложной геополитической обстановки оказала заметное влияние на процессы модернизации общественных отношений, развитие торговли и ремесленного производства, а также на обеспечение относительной безопасности и социальной устойчивости региона. Кроме того, значимым является замечание исследователя относительно этнических и политических распрей, терзавших государство. Противостояние между узбеками-кипчаками и сартами, частые смещения правителей, а также казни и преследования представителей разных родов и племен свидетельствуют о том, что внутренняя борьба была закономерным следствием непрочной структуры власти и неэффективной системы управления.

Помимо растущего социального неравенства, значительный вклад в развитие народной неудовлетворённости вносил институт дарханства – своего рода система сословных льгот. В Кокандском ханстве, подобно другим феодальным образованиям Средней Азии, статус дархана давал определённым лицам освобождение от уплаты налогов, выполнения обязательных работ и преследования по закону благодаря специальным указам правителя. Такими преимуществами обладали приближенные к трону люди, представители религиозного мира, крупные помещики и военные лидеры (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 4. Л. 17-20). Следовательно, финансовое бремя в обществе было распределено весьма несправедливо: дарханы наслаждались многочисленными благами, а основной груз налогов приходился на крестьян, мастеров и кочевые племена. Усугубляющееся неравенство в обществе вызывало недовольство среди обычных людей, ослабляло веру в силу правителей и провоцировало волнения. Гордость дарханов – представителей привилегированных слоев – воспринималась как воплощение социального произвола и угнетения, что послужило одной из главных причин народного сопротивления в 1870-е годы.

Итак, в конце статьи следует отметить, что история Кокандского ханства середины XIX века – это история постепенного угасания централизованной власти, разложения политической системы и усиления народного протеста. Внутренние противоречия, усиленные борьбой за власть между различными группировками – кипчаками, сартами и представителями родовой знати, – подорвали устойчивость государства и вызвали глубокий социальный кризис. Политическая нестабильность, произвол чиновников и рост налогового гнёта, отражённые как в архивных документах, так и в устных преданиях народов Ферганской долины, создали атмосферу всеобщего недовольства и отчуждения населения от власти.

5. Заключение

Формирование социально-политических предпосылок народных движений 1870-х годов в Кокандском ханстве началось ещё в 1840-е годы, когда процессы централизации ханской власти вступили в противоречие с традиционными структурами самоуправления. Попытки ханской администрации укрепить контроль над регионами сопровождалась ростом бюрократического аппарата, произвольным сбором налогов и ограничением автономии местных общин, что вызвало системное недовольство среди широких слоёв населения.

Этнополитическая структура ханства, основанная на делении населения на группы сартийя и илатийя, отражала глубокие социально-экономические и культурные различия между оседлым и кочевым населением. Неравномерное распределение земельных и налоговых обязанностей, дискриминация кочевников и отсутствие у них политического представительства усиливали чувство отчуждения и несправедливости, превращая этносоциальные противоречия в источник политической дестабилизации.

Борьба между элитарными группировками – сартами, кипчаками, кыргызами и мингами – способствовала ослаблению центральной власти и постепенному разрушению патримониальной системы правления. Злоупотребления фаворитов хана, произвол администрации и зависимость правителей от военных лидеров (в частности, Мусулманкула и Алимкула) подорвали легитимность власти, усилили внутренние распри и дезорганизовали управление. Это, в свою очередь, стимулировало рост антикокандских и антифеодальных настроений среди народных масс.

Роль отдельных исторических личностей, таких как Мусулманкул и Алымбек датка, демонстрирует двойственность процессов того времени. С одной стороны, их деятельность отражала стремление к укреплению порядка и централизации; с другой – их методы и политические амбиции приводили к росту репрессий, ослаблению доверия к власти и усилению межэтнических конфликтов. Гибель Алымбека датка символизировала окончательный разрыв между ханом и кыргызской знатью, что стало прологом массовых восстаний.

Влияние Российской империи на развитие Кокандского ханства носило в целом стабилизирующий и цивилизационный характер. Усиление российского присутствия в регионе способствовало постепенному ослаблению феодального деспотизма, ограничению произвола знати и введению более рациональных форм управления. Благодаря контактам с Российской империей началось внедрение элементов новой хозяйственной культуры, развитие торговли, совершенствование налоговой системы и укрепление правовых институтов. Российская политика в Средней Азии способствовала переходу региона на путь модернизации, культурного обмена и постепенного включения в более широкие экономические и политические связи. Тем самым действия России объективно подготовили почву для ликвидации архаичных феодальных порядков и формирования новых общественных отношений, основанных на законности и административной упорядоченности.

Литература

- Бабабеков, 1990** – Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.). Ташкент, 1990. 117 с.
- Бабаджанов, 2010** – Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент, 2010. 744 с.
- Бейсембиев, 1987** – Бейсембиев Т.К. «Тарих-и-Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.
- Воҳидов, 2014** – Воҳидов Ш. Қўқон хонлиги тарихи (хонлик тарихи – манбаларда). Тошкент, 2014. 1492 б.
- Гуревич, 1979** – Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979. 253 с.
- Джамгерчинов, 1959** – Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во соц. эк. лит., 1959. 435 с.
- ИБ АН РУз. Инв. № 11108** – Мулла Азиз бин Мулла Мухаммад-Риза Маргинани. Тарихи Азизи [История Азизи]. Рукопись. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, Инв. № 11108.
- ИБ АН РУз. Инв. № 1314** – Мирзо Олим ибн Домла Мирзо Рахим Тошкандий. Ансоби-с-салатин ва тавориху-л-хавокин [Родословие султанов и хроники ханов]. Рукопись. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, Инв. № 1314.
- Кененсариев, 1997** – Кененсариев Т. Кыргыздар жана Кокон хандыгы. Ош: Ошский государственный университет, 1997. 64 б.
- Кененсариев, 2009** – Кененсариев Т. Кыргызстандын XIX кылымдын 50 – 70-жылдарындагы саясий өнүгүүсү. Бишкек, 2009. 392 б.
- Мирзо Олим Махдум Хожид, 2008** – Мирзо Олим Махдум Хожид. Тарих-и Туркестан. Тошкент: Янги аср авлоди, 2008. 242 б.
- Михайлов, 1884** – Михайлов М. Поход в Коканд, 1875 г. (Из записок артиллериста) // *Туркестанские ведомости*. №3. 17 января, 1884.
- НА РУз** – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Наливкин, 1886** – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1886. 215 с.
- Павлов, Рабинович, 1936** – Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание (1875–1876 гг.) // *Борьба классов*. 1936. № 4. С. 47-65.
- Петровский, 1873** – Петровский Н.Ф. Очерки Коканского ханства // *Туркестанский сборник*. Санкт-Петербург, 1873. Т.76. С.1-19.
- Плоских, 1977** – Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977. 368 с.
- Усенбаев, 1960** – Усенбаев К.У. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе: Киргосиздат, 1960. 190 с.
- Хасанов, 1961** – Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX века. Фрунзе: Учпедгиз, 1961. 183 с.
- Хасанов, 1977** – Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М: Наука, 1977. 93 с.
- Шамшиев, 2021** – Шамшиев А. 76 лет, уроженец села Орозбеково Кадамжайского района, представитель рода Исхака Асан уулу. Запись беседы. 2021 г. Личный архив.
- Schuyler, 1876** – Schuyler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. Vol. 2. New York, 1876.

References

- Bababekov, 1990** – Bababekov, Kh.N. (1990). Narodnye dvizheniya v Kokandskom khanstve i ikh sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie predposylki (XVIII-XIX vv.) [Popular movements in the Kokand Khanate and their socio-economic and political prerequisites (18th–19th centuries)]. Tashkent. 117 p. [in Russian]
- Babadzhanov, 2010** – Babadzhanov, B.M. (2010). Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiia [The Kokand khanate: power, politics, religion]. Tashkent, 744 p. [in Russian]
- Beysembiev, 1987** – Beysembiev, T.K. (1987). “Tarikh-i-Shahrukhi” kak istoricheskiy istochnik [“Tarikh-i-Shahrukhi” as a historical source]. Alma-Ata: Nauka. 200 p. [in Russian]
- Dzhamgerchinov, 1959** – Dzhamgerchinov, B.D. (1959). Prisoedinenie Kirgizii k Rossii [Annexation of Kyrgyzstan to Russia]. M.: Izd-vo sots. ek. lit., 435 p. [in Russian]
- Gurevich, 1979** – Gurevich, B.P. (1979). Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v. [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow, 253 p. [in Russian]
- IV AN RUz. Inv. № 11108** – Mulla Aziz bin Mulla Muhammad-Riza Marginani. Tarikhi Azizi [History of Azizi]. Rukopis'. Institut vostokovedeniya im. Abu Rayhana Beruni Akademii nauk Respubliki Uzbekistan, Inv. № 11108. [in Turkish]
- IV AN RUz. Inv. № 1314** – Mirzo Olim ibn Domla Mirzo Rahim Toshkandiy. Ansobu-s-salatin va tavorikhu-l-khavokin [Rodoslovie sultanov i khroniki khanov] [Ansobu-s-salatin va tavorikhu-l-khavokin – Genealogy of the Sultans and Chronicles of the Khans]. Rukopis'. Institut vostokovedeniya im. Abu Rayhana Beruni Akademii nauk Respubliki Uzbekistan, Inv. № 1314. [in Turkish]
- Kenensariyev, 2009** – Kenensariyev, T. (2009). Kyrgyzstandyn XIX kylymdyn 50-70-zhyldaryndagy sayasy onuguusu [Political development of Kyrgyzstan in the 1850s–1870s]. Bishkek, 392 p. [in Kyrgyz]
- Kenensariyev, 1997** – Kenensariyev, T. (1997). Kyrgyzdar zhana Kokon khandygy [The Kyrgyz and the Kokand khanate]. Osh: Osh MU. 64 p. [in Kyrgyz]
- Khasanov, 1961** – Khasanov, A.Kh. (1961). Vzaimootnosheniya kirgizov s Kokandskim khanstvom i Rossiey v 50-70-kh godakh XIX veka [Relations of the Kyrgyz with the Kokand Khanate and Russia in the 1850s–1870s]. Frunze: Uchpedgiz. 183 p. [in Russian]
- Khasanov, 1977** – Khasanov, A.Kh. (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the Kokand Khanate]. M.: Nauka. 93 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1884** – Mikhailov, M. (1884). Pokhod v Kokand, 1875 g. (Iz zapisok artillerista) [Campaign to Kokand, 1875 (From the notes of an artilleryman)]. *Turkestanskije vedomosti*. 3. 17 January. [in Russian]
- Mirzo Olim Mahdum Khoji, 2008** – Mirzo Olim Mahdum Khoji (2008). Tarikh-i Turkestan [History of Turkestan]. Toshkent: Yangi asr avlodi, 242 p. [in Uzbek]
- NA RUz** – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Nalivkin, 1886** – Nalivkin, V. (1886). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [Brief history of the Kokand Khanate]. Kazan: Tip. Imperatorskogo Universiteta. 215 p. [in Russian]
- Pavlov, Rabinovich, 1936** – Pavlov, S., Rabinovich, M. (1936). Kokandskoe vosstanie (1875–1876 gg.) [The Kokand uprising (1875–1876)]. *Bor'ba klassov*. 4: 47-65. [in Russian]
- Petrovsky, 1873** – Petrovsky, N.F. (1873). Ocherki Kokanskogo khanstva [Essays on the Kokand Khanate]. *Turkestanskiy sbornik*. SPb. 76: 1-19. [in Russian]
- Ploskikh, 1977** – Ploskikh, V.M. (1977). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo [The Kyrgyz and the Kokand Khanate]. Frunze: Ilim. 368 p. [in Russian]
- Schuyler, 1876** – Schuyler, E. (1876). Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja [Travel notes on Russian Turkistan, Kokand, Bukhara, and Kuldja]. Vol. 2. New York.
- Shamshiev, 2021** – Shamshiev, A. (2021). 76 let, urozheneц sela Orozbekovo Kadamzhajskogo rajona, predstavitel' roda Ishaka Asan uulu. Zapis' besedy. Lichnyj arhiv. [in Russian]
- Usenbaev, 1960** – Usenbaev, K.U. (1960). Prisoedinenie Yuzhnoy Kirgizii k Rossii [Annexation of Southern Kyrgyzstan to Russia]. Frunze: Kirgosizdat. 190 p. [in Russian]
- Vohidov, 2014** – Vohidov, Sh. (2014). Qo'qon xonligi tarixi (xonlik tarixi – manbalarda) [History of the Kokand Khanate (in sources)]. Toshkent, 1492 p. [in Uzbek]

Социально-политические предпосылки народных движений в Кокандском ханстве в 1870-е годы

Фарида Турганбаевна Байтова ^{a, *}, Жээнбек Байыскулович Алымбаев ^b,
Элида Анарбековна Толобаева ^c

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: baitova_farida@mail.ru (Ф.Т. Байтова), jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Ж.Б. Алымбаев), tolobaeva_elida@mail.ru (Э.А. Толобаева)

^a Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта им. Б.Т. Турусбекова, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. В представленной статье авторы рассматривают социально-политические предпосылки народных выступлений 70-х годов XIX века в Кокандском ханстве, связывая их с внутренним кризисом ханской власти, ослаблением государственных институтов и нарастанием противоречий между различными социальными слоями общества. Усиление фискального давления, произвол местных наместников, коррупция в административной системе, а также неравномерное распределение налогового бремени привели к углублению социального неравенства и росту недовольства среди земледельцев, ремесленников и кочевых сообществ. Особое внимание уделяется влиянию внешнеполитических факторов, прежде всего российскому присутствию в регионе, которое во многом способствовало стабилизации обстановки. Российская администрация стремилась установить более чёткую систему управления, упорядочить налоговый сбор и ограничить произвол местных властей, что создало предпосылки для формирования новых, более устойчивых форм общественной организации и хозяйственной деятельности. Анализ архивных документов, донесений русских чиновников, устных исторических источников и записей местных хронистов позволяет утверждать, что вмешательство Российской империи сыграло значительную роль в прекращении междоусобных конфликтов, укреплении социальной стабильности и формировании предпосылок для постепенной модернизации общественных отношений. В данном контексте народные движения 1870-х годов рассматриваются не только как проявление внутреннего кризиса Кокандского ханства, но и как историческая закономерность, обусловившая включение региона в более широкое и относительно стабильное политико-экономическое пространство Российской империи. Это, в свою очередь, стало важным этапом в процессе интеграции Ферганской долины в общероссийскую систему управления и хозяйственного развития, что впоследствии предопределило трансформацию социальных структур и изменение политического ландшафта региона.

Ключевые слова: Российская империя, Кокандское ханство, Ферганская долина, народные движения, исторические источники, кыргызское население, политическая нестабильность, социальное неравенство, междоусобица, самоуправление.